

ДИСКУРС О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ В АРМЯНО-РОССИЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

Россия катастрофически быстро теряет свое влияние в Армении, и ряды сторонников геополитической ориентации Еревана на Москву редуют, можно сказать, в геометрической прогрессии. Но при этом главным вызовом для РФ должна считаться не столько проблема внедрения в армянские властвующие элиты прозападных политических сил и даже откровенно русофобских элементов, сколько охватывающее широкие слои армянского общества разочарование политикой Москвы. Ведь «верхи» в Армении через какой-то промежуток времени могут быть заменены под воздействием внутренних и внешних геополитических процессов, или, в крайнем случае, могут в силу тех или иных обстоятельств сами радикально откорректировать свои подходы к России, тогда как глубокое разочарование поведением Кремля в «низах» не может поддаться быстрой и легкой метаморфозе. Особенно, когда это разочарование исходит из до тривиальности наивного народного восприятия такого понятия как «предательство».

Именно так, и не иначе, воспринимается значительной частью армянского общества сближение Москвы и Анкары, которое неизбежно должно было привести, образно выражаясь, к обвалу геополитических «акций» Армении, а следовательно – к болезненному военному поражению от Азербайджана.

Крушение баланса безопасности внутри и вокруг Армении и пребывание армянского народа в тисках неослабевающего эмоционального стресса, разочарования, фрустрации и страха перед завтрашним днем вновь реанимировали в общественном дискурсе давно приевшуюся в армянском историзме тему предательства, как едва ли не главной причины грянувших бед.

Пытаясь постичь и объяснить причины больших поражений, провалов и неудач на определенных этапах своей истории, армяне на уровне массового сознания практически всегда вводили в дискурс это определение, тем самым руководствуясь больше эмоциональным, нежели рациональным подходом к анализу событий. Ошибочность попыток простых армян связать очередную историческую катастрофу с абстрактным понятием всеобщего и повального предательства всех и вся очевидна, однако это не исключает наличия доказательных примеров измены, главным образом относящихся к отдельным личностям или группам лиц. Вопрос лишь в том, что армянам, скажем так, не всегда удавалось правильно классифицировать объективные и субъективные причины исторических неудач, и не связывать отдельные эпизоды предательства своих князей, полководцев или союзников с глубинными факторами, более значимыми и масштабными в контексте причинно-следственной связи, которые и повлекли события по необратимому историческому пути.

Итак, в Армении растет недовольство действиями Москвы, и оно, очевидно, подпитывается придерживающимся «прозападного курса» властями и обслуживающими их

---

¹ Культуролог, социолог.

определенными общественно-политическими кругами. Но эти настроения постепенно охватывают даже слои армянского общества, не относящие себя к статично-неизменному электорату Н. Пашиняна и его партии, и бывших традиционно лояльными к России в силу массы факторов (образование, работа/бизнес в РФ, ностальгия по СССР и т.д.). И главным источником ухудшения отношения к России у этих кругов является уже не обычная антироссийская пропаганда, а ощущаемый ими острый диссонанс между декларированными лозунгами об «историческом братстве» и реальным положением дел «на земле», которое не сулит ничего хорошего перспективе взаимоотношений Москвы и Еревана.

Речь об радикальной кристаллизации курса российской политики на южном фронте своих традиционных державных интересов, выражающемся в стратегической ставке на турецко-азербайджанский тандем и подыгрывание его планам. Очевидно, что подобная поведенческая линия Москвы в отношении своих, как считают в Армении, смертельно опасных соперников, связана с целым клубком объективных и субъективных факторов, в совокупности перевешивающих для России минусы политики сближения с турками и их сателлитами. К озвучиваемым «объективным факторам» относятся планы Кремля и Смоленской площади в качестве задачи максимум «вырвать» эрдогановскую Турцию из Западного лагеря, а в качестве задачи минимум – добиться пролонгации ее, мягко говоря, «относительного нейтралитета» в украинских событиях. Где-то между ними лежат надежды Кремля на сохранение коммуникацию с Западным миром посредством инфраструктуры «дружественной» Турции, тем самым обеспечив для себя обход санкционных мер, а в перспективе – налаживание новых логистических цепочек для перекачки на Запад углеводородных ресурсов. В качестве еще одного весомого фактора рассматривается важный для РФ вопрос проливов Босфор и Дарданеллы, свободный проход через которые дает возможность Москве поддерживать жизнедеятельность своих ВМФ в Средиземном море, а значит – не растратить приобретенное большой ценой влияние на Сирию и Большой Ближний Восток в целом. При этом, нынешний режим контроля эрдогановской Турции над проливами сдерживает другие страны НАТО от кратного увеличения присутствия на Черном море, чем значительно облегчается задача Москвы по достижению своих целей на Украине.

Список можно продолжить, но, как представляется, достаточно и перечисленного. Здесь следует упомянуть и «субъективные факторы», к коим в первую очередь относится факт наличия в рядах российской политической элиты целой плеяды деятелей, имеющих личные интересы в работе турецкого и азербайджанского капитала на рынке России. Сюда же можно отнести чрезмерное, а местами – неограниченное влияние финансово-экономических элит РФ и государственных суперкомпаний на политико-дипломатический курс страны, что нередко приводит к дезорганизации согласованной политики в отношении внешнего мира, нарушению базовых приоритетов и утрате ориентиров на долгосрочные геостратегические интересы страны. Все это на примере взаимоотношений с Турцией наглядно проявляется в виде повальной уступки ей традиционного неприкосновенных страт российских интересов.

Одним словом, спектр причин, подталкивающих Москву на синхронизацию интересов с Анкарой, может выглядеть достаточно широким и обоснованным, начиная от идеологической концепции Евразийства в ее дугинском восприятии и кончая

меркантильными интересами определенных российских чиновников и политических деятелей. В не обремененном «грантовыми обязательствами» экспертном сообществе Армении, а также широких кругах просвещенной общественности достаточно грамотно разбираются в нюансах клубка причин и проблем, подвигнувших РФ на тесное взаимодействие с турецко-азербайджанским тандемом, как, впрочем, и делают вполне логические выводы относительно последствий для Армении перезагрузки Кремлем своей ближневосточной политики.

А сводится это заключение к тому, что за столь масштабную в геополитическом и историческом плане сделку по «лоялизации» Турции от России потребуются соответствующая плата. Ведь сделка по атомной станции «Аккую», продажа Анкаре противоздушных систем С-400 и, частично, технологий по их производству на месте, проекты по превращению Турции в газовый хаб и т. п. совсем не покрывают «долг» России, как тщетно пытаются представить вопрос некоторые российские политики и эксперты. На самом деле плата более диверсифицирована и включает в себя разнообразные способы расчета с учетом очень широкого диапазона точек соприкосновения и столкновения российских и турецких интересов. И в качестве одного из элементов расчета за «турецкий нейтралитет» рассматривается отречение РФ от полноценной защиты РА и гарантий ее суверенитета. Именно так, и никак иначе. В армянском обществе крепнет убежденность в том, что Анкара успешно выторговала у Москвы право на кардинальное изменение статус-кво в карабахском вопросе, слом баланса безопасности на Южном Кавказе и наращивание полномасштабного влияния на внутренние дела Армении.

Нет смысла перечислять здесь весь список, мягко говоря, алогичных, с точки зрения закрепленных союзнических обязанностей, действий России, начиная от многомиллиардных сделок по продаже наступательного оружия Азербайджану с 2013-го, и кончая заблаговременным молчаливым уходом российских сил со своих позиций на армяно-азербайджанской границе в преддверии сентябрьской бакинской агрессии в 2022 г. Об этом сказано и написано с избытком. Зафиксируем лишь, что в совокупности весь этот массив информации и его анализ дают основания для прежде лояльно относящихся к путинской России широких слоев армянского общества и осязаемой части общественно-политических сил удостовериться в жестокой, болезненной, но необходимой быть принятой к сведению истине: балансируя на грани перетекания русско-украинской войны в полномасштабное противостояние РФ–Запад, Кремль, в надежде удержать Турцию от «соскока» в антироссийский блок, последовательными «траншами» сдает интересы Армении.

Тем самым, теория о «российском предательстве», взятая на разработку прозападными кругами Армении в общественно-политических, журналистских и экспертных кругах страны, генерируется в благодатной почве, превращаясь в восприятии общественности в главный фактор поражения в 44-дневной войне и последовавших за этим по цепной реакции бед. И слабые возражения пророссийских кругов армянской политической жизни, и их бледные попытки восстановления репутации Москвы тщетны в сравнении с резонансом антироссийской кампании в СМИ и малоэффективны в борьбе с охватившим широкие круги общественности разочарованием, особенно – в среде молодежи и людей среднего возраста.

Казалось бы, эта крайне нелицеприятная для самой Москвы ситуация должна стать предметом глубокого осмысления и анализа российской стороной для продвижения ее

экспертным сообществом и СМИ политико-информационной работы хотя бы по частичному восстановлению своих прежних позиций с прицелом на перспективу долгосрочного присутствия в Армении. Однако, в Армении, вместо рациональных шагов со стороны России, почему-то увидели зеркальное отображение кампании о предательстве..., на сей раз – армянском. Анализ информационных потоков показывает, что российские СМИ, аналитические центры и публичные политические площадки, очевидно с ведома официальных властей, а вполне вероятно – по их же прямому указанию, организовано проводят пропагандистскую линию по дискредитации Еревана, с обвинением его в нарушении политических, правовых и моральных основ союзнического взаимодействия.

Речь, конечно же, идет об обвинениях в переориентации на Запад политической власти и околоставных элит Армении после т. н. «бархатной революции» 2018 г., а также в искусственном культивировании антироссийских настроений в целом. Насажение в умах политически активной части российского общества антиармянских настроений за последние несколько лет из главной цели протурецких и проазербайджанских лоббистских кружков, а также из сферы деятельности псевдодержавных шовинистических элементов прохановско–дугинской закваски плавно перетекло в сферу интересов прежде более лояльного к Армении обширного круга лиц на содержании Кремля. Полная и безапелляционная реабилитация проазербайджанских и протурецких шагов Москвы якобы «в ответ на предательские увертки» Армении нынче, очевидно, полностью созвучна генеральной идеологической линии российской власти, транслирующей своему обществу с помощью медийных площадок, аналитических материалов и заявлений политиков тезис о собственническом уходе Еревана из-под российского зонтика. И поэтому на смену пренебрежительной лексике в стиле «Куда они денутся?» когда-то изредка мелькавшей в российских СМИ, сейчас пришла очередь уже ставшего сверхпопулярным нарратива в стиле «России незачем воевать за самих армян». И эта тенденция настолько укоренилась в России, что уже находит отклик в среде самых лояльных в прошлом к армянам российских деятелей и экспертов, и даже среди российских аналитиков-идеологов, идентифицирующих себя армянами. И разве что буквально единицы, подобно Николаю Платошкину, готовы и впредь указывать на непростительную ошибку Москвы по проецированию своего негативного отношения к Николу Пашиняну и его команде на Армению в целом, на государство и народ.

Данная тенденция раздражает разочаровывающиеся в российской дружбе общественные круги ничуть не меньше, чем сам факт отказа РФ от своих союзнических обязательств как в двухстороннем формате, так и в рамках сотрудничества по линии ОДКБ. Оппозиционные настроенные к власти Пашиняна граждане РА не без оснований склонны принимать за лукавство российской политики подобное ассоциирование нынешней прозападной, по факту, армянской политической власти с государством и обществом. Ведь армяне сами весьма четко проводят разграничение между властвующими российскими элитами и обществом, свободным в своем выборе внешнеполитических предпочтений. И поэтому они вполне оправданно связывают это лукавство с попыткой российской стороны сконструировать «весомую аргументацию» в оправдание своего нежелания отставить армянские государственные интересы в клубке споров и противоречий с турецко-азербайджанским тандемом.

Кроме того, оппозиционно настроенные общественные круги в Армении также не склонны закрывать глаза на факт достаточно долгого «плодотворного сотрудничества»

российского политического истеблишмента с ереванскими коллегами, а также на инсайдерскую информацию о «комфортности работы» Кремля и МИД РФ с Н. Пашиняном. В этот контекст весьма логично и гармонично вписывается тот факт, что в 2020 и 2021 гг. ни в ходе уличной борьбы и ни в процессе выборов в НС Армении Москва так и не высказала хоть какой-либо симпатии к главному сопернику Пашиняна, экс-президенту РА Роберту Кочаряну. А ведь если бы приписываемая поддержка имела место на самом деле, то едва ли «западник» Пашинян смог бы удержаться у власти и продолжить наблюдаемый ныне процесс радикального реформирования государственных и национальных интересов Армении. А значит, можно предположить, российские власти не только не против активной деятельности Пашиняна, созвучной постановкам ревизионистской внешнеполитической доктрине эрдогановской Турции, но и, фактически, являются соучастниками всего этого очень странного взаимодействия.

Впрочем, складывается впечатление, что в перипетиях российско–армянских взаимоотношений и геополитических процессов в регионе словно по кальке копируются происшествия вековой давности. Ведь и тогда обуреваемая надеждами на союзные отношения большевистская Россия сделала все, дабы обеспечить победу кемалистов над султанским режимом в Стамбуле и, тем самым, «увести» Турцию от альянса с «враждебным империалистическим англо-французским блоком». В уплату Кемалю за «дружбу» с российским пролетариатом сгодилось все: и деньги, и оружие, и куски территории, сначала отдираемые от Первой Республики Армении, а в последствии – и от Советской Армении. Ленинский вердикт, вынесенный в те дни расчленяемой Армении, был однозначным: «за союзничество с Деникиным и за сотрудничество с мировым империализмом». Большевистская Россия тогда безжалостно наказала Армению, расплатившись с кемалистскими друзьями ее плотью и кровью – Карсом, Ардааном, Нахиджеваном, Карабахом... Но в последствии поплатилось сама: за безрассудную веру в «турецкую дружбу», понунив голову у разбитого корыта «большевизации Востока». Утопление приказом Мустафы Кемаля главных турецких большевиков в Черном море и истребление сотен других в Анатолии, разрыв отношений с СССР и сближение с «ненавистными империалистами» и, наконец, вселенский позор, выпавший на долю большевистской России из-за едва ли не самой сумасбродной во всей истории международных отношений сделки: все это стало ценой расплаты самой России за политическую близорукость, глупость и предательство...

Оно зреет и сейчас, оно уже происходит, и его последствия, если не остановить, опять будут стоить Армении расчленения, если не окончательной смерти, а России – новых испытаний, боли обмана и унижения в турецко-азербайджанском капкане.

Таково, вкратце, восприятие внешнеполитических кульбитов Москвы, ставших причиной резкой девальвации пророссийских настроений в Армении. Повторимся, что речь идет о так называемой «сознательной прослойке» армянского общества, традиционно ориентированной на всеобъемлющую дружбу с Россией и о сформированных в русле национальной идеологии общественно-политических силах, считающих сближение с Россией историко-цивилизационной необходимостью для сохранения армянской государственности и армянской идентичности на Южном Кавказе. Речь идет о широких массах, адекватных, достаточно хорошо разбирающихся и осведомленных о главенствующем принципе рационализации внешнеполитического поведения любого

государства, в том числе - и России, и о приоритетности национальных интересов над любыми противоречащими им обязательствами. Однако речь также идет о людях, которые уверены, что краеугольным камнем российской державности и основной ее многовекового величия, благословенного историческим провидением и Богом, всегда было стремление жить и творить историю в согласии с триединством правды, чести и нравственности. Ценностями, соблюдению которых претит бросать на съедение врагам немощного брата, друга, союзника..., даже сошедшего с пути благоразумия, поддавшегося «козням» и «искушению ложью».

Потерять навсегда этих людей в Армении для России будет непростительной роскошью. Потерять в дни, когда судьба снова испытывает ее тяжелым экзаменом на верность взятому обету правды, чести и нравственности. И только это, но не оружие, не военная мощь и не власть, решит, быть ли и впредь Российской державе или уйти в небытие подобно многим и многим империям...